

DOI: 10.22455/978-5-9208-0627-7-48-66

Е.В. Глухова

**«Усадебный топос» русского символизма
в эго-документальной прозе Андрея Белого¹**

Сведения об авторе: Глухова Елена Валерьевна (Москва, Россия), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН). ORCID ID: 0000-0003-3847-0369. E-mail: elenagluhova@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены вариации «усадебного топоса» русского символизма в мемуарной прозе Андрея Белого. Усадьбы Шахматово, Дедово и Серебряный Колодезь играли ключевую роль в истории русского литературного символизма. Свообразие «усадебного текста» Белого, с одной стороны, в нахождении оригинального — неомифологического — модуса изображения этих усадеб, с другой — в придании им гетеротопического качества. Прослежены изменения в тональности воспоминаний Белого об А.А. Блоке в Шахматове начиная с первой редакции в «Записках мечтателей» (1922) до последней части мемуарной трилогии «Начало века» (1932). Если в первом случае Шахматово предстает в неомифологическом ключе и в его изображении реализуются значимые символистские универсалии, то в последнем варианте такой способ подачи усадьбы практически сведен на нет. Меняется и образ Блока как духовно-символического центра шахматовской усадебной жизни: если первоначально ему присущи фольклорные черты Ивана-Царевича, идеального поэта-символиста на лоне природы, а его жене — Царевны, воплощения Софии — Премудрости Божией, то в более поздних текстах Блок — барин, увлеченный ведением усадебного хозяйства, а его супруга приобретает приземленные черты. При этом Серебряный Колодезь представлен как гетеротопия, а черты Дедова узнаваемы в повести «Серебряный голубь» (1909).

Ключевые слова: Андрей Белый, усадьба русского символизма, неомифологизм, гетеротопия, «усадебный топос», эго-документальная проза, усадьба Шахматово, усадьба Дедово, усадьба Серебряный Колодезь.

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18–18–00129) «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

*“Estate topos” of Russian symbolism
in the ego-documentary prose of Andrei Bely*

Information about the author: Glukhova Elena Valerievna (Moscow, Russia), PhD in Philology, Senior Research Fellow, A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID ID: 0000-0003-3847-0369. E-mail: elenagluhova@mail.ru

Abstract: The article discusses the modification of the “estate topos” of Russian symbolism in Andrei Bely’s memoir prose. The estates Shakhmatovo, Dedovo, Serebrianyj Kolodez played a key role in the cultural history of Russian symbolism. The peculiarity of Bely’s “estate text”, on the one hand, is that he found an original neo-mythological mode in the image of these estates, on the other hand, gave them heterotopic properties. The article shows how the tonality of his memoirs about Alexander Blok changes from the first edition in journal “Notes of Dreamers” (1922) to the last part of his memorial trilogy “The Beginning of the Century” (1932). If in the first version “Shakhmatovo” appears in neo-mythological meaning and a number of significant symbolic universals are realized, then in the latter version this way of representing the estate is practically erased. The image of Alexander Blok as a spiritual and symbolic center of estate culture is changing: if originally he had the folklore features of Ivan Tsarevich, the ideal symbolist poet on a background of nature, and his wife was Tsarevna, the embodiment of Sophia the Wisdom of God, then later Blok appears as a Lord, carried away only by the issues of managing the estate, and his wife gets the features of an ordinary woman. The estate Serebrianyj Kolodez appears as a heterotopic space, and the features of the estate Dedovo are recognizable in the novel “The Silver Dove”.

Key words: Andrei Bely, estate of Russian symbolism, neo-mythological mode, heterotopia, “estate topos”, estate Shakhmatovo, estate Dedovo, estate Serebrianyj Kolodez

На рубеже XIX–XX вв. «усадебный текст» русской литературы воспринимается как стабильно функционирующая система, сформированная на протяжении целого столетия². По наблюдению современного исследователя, усадебное «дворянское гнездо» складывается из таких элементов, как «дедовская библиотека с “древними” (то есть XVIII в.) фолиантами на нескольких языках, фортепьяно, на котором часто играют герои <...>, цветы и цветущие деревья, пение птиц, укромные уголки

² Подробный обзор истории изучения русского «усадебного текста» см.: Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI в.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019; Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008; Дмитриева Е.Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 140–173; и др.

в саду (скамейки, беседки), старинная (то есть екатерининская) мебель, старые чудаковатые слуги, несказанно верные своим господам, и, конечно же, романтически настроенная девушка в белом платье»³.

Русский символизм, ориентированный на создание панэстетической реальности, привносит в «усадебный текст» черты, характерные для мифопоэтики этого направления, — прежде всего особую пространственно-временную модель. Для неомифологической поэтики символизма характерно создание глубинных мифо-синкретических структур, среди которых — отсутствие объективных пространственно-временных связей, географической приуроченности, и наличие мотивов зеркальности, «двоемирия», двойничества персонажей. Неомифологизм в литературе модернизма проявляется разными способами (они были систематизированы в работах современных исследователей⁴): это может быть и творческое заимствование древних мифологических мотивов и сюжетов, и уподобление художественного языка мифологическому праязыку с его полисемантизмом и ассоциативностью, и создание оригинальных мифологических образов.

Интересно, что зарождение и утверждение философско-эстетического универсума «младшего» символизма Андрей Белый связывал именно с «усадебным топосом», реально-эмпирической основой которого стали для него подмосковные имения Шахматово, Дедово и тульская усадьба Серебряный Колодезь, тогда как в эстетике «старших» символистов (Мережковских, Ф. Сологуба, В.Я. Брюсова и др.) образ усадьбы как гнезда зарождения модернистской культуры оставил менее значительный след. «Усадебный текст» в эго-документальной прозе Белого — это и топос, и гетеротопия, что отражено в системе мотивов и символических образов, трансформирующих пространство реальной усадьбы, отражающих особые отношения со временем: его параллельное течение, сдвиг или циклизацию.

Оговоримся, что под топосом мы понимаем, в соответствии с определением Ю.М. Лотмана, «пространственный континуум текста, в кото-

³ *Щукин В.Г.* Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // *Щукин В.Г.* Российский гений Просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 276.

⁴ См., например: *Миц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Блок и русский символизм. Избранные труды: В 3 кн. Кн. 3: Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. С. 59–96; *Мелетинский Е.М.* От мифа к литературе: Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика». М.: РГГУ, 2001; *Руднев В.П.* Неомифологическое сознание // Словарь культуры XX века. М.: РГГУ, 1997. С. 184–185.

ром отражается мир объекта», а «система пространственных отношений» в художественном тексте, таким образом, «выступает в качестве языка для выражения других, непространственных отношений»⁵. Следуя логике современной философской и литературоведческой интерпретации⁶, гетеротопия — это не просто другое пространство, но такое место, где пространственно-временные отношения выстроены иначе, чем в условно комбинаторных моделях. М. Фуко в ранней работе «Слова и вещи» (1966) указывал, что гетеротопия — это скорее разрыв, слом плавного течения повседневности, обнаруживающий сложную систему особых пространств, мест жизнедеятельности и жизнечувствия человека⁷.

Воспоминания Белого о встречах с Блоком в Шахматове существенно изменялись от первой редакции мемуаров — к последней, и мы видим, что это был непростой путь от мифологизации образа поэта сразу после его смерти ко все большей объективности и отстраненности в последние годы жизни автора мемуаров. В первую очередь обратимся к раннему варианту воспоминаний, созданному до берлинской эмиграции 1921 г., поскольку именно этот пласт эго-документального свидетельства все еще обусловлен символистской мифопоэтикой; он и поможет нам определить особенности функционирования символистского «усадебного топоса» в мемуарной прозе писателя.

Первая часть воспоминаний о Блоке была написана сразу после его смерти для издания «Записки мечтателей» (1922, № 6) — весь номер целиком был посвящен памяти поэта, расширенный вариант этих мемуаров публиковался в 1922–1923 гг.⁸, позднее он превратился в отдельную книгу мемуаров «О Блоке», а затем был переработан в книгу «Начало века» (в так называемой «берлинской редакции»), из которой и выросли три тома «мемуарной трилогии»⁹.

⁵ Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство–СПБ, 1998. С. 160.

⁶ Прежде всего нам необходимо определить возможные точки соприкосновения между гетеротопией как понятием неклассической филологии и такими понятиями традиционного литературоведения, как художественное пространство и время. Подробнее см.: Шестакова Э.Г. Гетеротопия — рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 58–72.

⁷ Подробнее см.: Фуко М. Слова и вещи / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977. С. 34.

⁸ См.: Белый, Андрей. Воспоминания о Блоке // Эпопея. М.: Геликон, 1922. № 1. С. 123–173. № 2. С. 105–299. № 3. С. 125–210; Берлин: Геликон, 1923. № 4. С. 61–305.

⁹ Воспоминания о Блоке были написаны Белым в Москве сразу после смерти поэта; подробнее об истории трансформации кратких мемуарных записей в большую

Саша Блок и Боря Бугаев познакомились заочно, практически одновременно отправив друг другу приветственные письма; свел их Сережа Соловьев, троюродный брат Блока, который часто проводил летнее время в имении Дедово (Звенигородского уезда Московской губ.), принадлежавшем родственникам его матери, Коваленским. Дедово располагалось сравнительно недалеко от Шахматова (Клинский уезд Московской губ.), которым владели Бекетовы¹⁰. Позднее, в последней версии мемуаров, Белый воспроизводит географию населенных пунктов к северо-западу от Москвы по Октябрьской (б. Николаевской) железной дороге, тесно связанных с его биографией:

<...> ближние станции этой дороги связались с рядом знакомых имен: Химки, или — Захарьины; Крюково, или — Соловьев, Коваленские; Поворовка, или — Петровский; Подсолнечная, или — Блоки, Бекетовы; далее же — Менделеев; Клин, или — Майданово, Фроловское, где жила: Чайковский, Кувшинниковы, дама странная, Новикова; а — Демьяново, где вырос я, где — Танеевы все! А Дулепово, где — Костромитиновы, отдаленные родственники моей матери! А Нагорное (посередине пути меж Подсолнечной и меж Демьяновом), где жгли костры, собирали грибы, где Григорий Аветович Джаншиев жарил шашлык нам!¹¹

По воспоминаниям писателя, в его детстве особое место занимали усадьба Танеевых Демьяново, где каждое лето вплоть до юношеского возраста он отдыхал с родителями, и имение Серебряный Колодезь в Старогальской волости Ефремовского уезда Тульской губ., приобретенное его отцом Н.В. Бугаевым в 1898 г.

В первом варианте воспоминаний Белый выстраивал ретроспективную хронологию символизма:

<...> именно 4 июля 1901 года <...> в Шахматове написал это свое стихотворение [«Предчувствую тебя...»] в дни, когда я в Серебряном Колодце писал <...> об огромном мистическом движении на северо-востоке Рос-

мемуарную трилогию см.: *Лавров А.В.* Воспоминания Андрея Белого — берлинского эмигранта // *Белый, Андрей.* Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А.В. Лавров. СПб.: Наука, 2014. С. 803–834.

¹⁰ Подробнее об усадьбе Шахматове и ее месте в биографии А.А. Блока см., например: *Енишерлов В.П.* Как в годы золотые // *Наше наследие.* 2010. № 96. С. 48–59.

¹¹ *Белый, Андрей.* Начало века / Подгот. текста, примеч. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. С. 364.

сии, где образ «Жены, облеченной в солнце», или — Софии-Премудрости — получал свое воплощение <...>¹².

Эта переключка усадьбами не случайна в системе историсофских взглядов писателя; перед нами мифологизация пространства, где локусы конкретных усадеб (Шахматова и Серебряного Колодезя) обретают черты мистических центров культуры русского символизма. Была и третья «колыбель» мистического символизма — усадьба Дедово:

<...> в июле 1901 года я получил от С.М. Соловьева письмо, уведомлявшее о том, что в Дедове у него гостил А.А. Блок, с которым они много бродили в полях и говорили на «наши» темы: <...> о характере понимания поэзии В. Соловьева, о практических выводах его философии, о любви, о Софии-Премудрости <...>¹³.

Интерьеры усадебного дома в Дедове и окружающие ландшафты села Надовражино получили отражение в топонимике и архитектонике литературной усадьбы Гуголево в «Серебряном голубе»¹⁴, многие персонажи этой повести списаны с семьи Коваленских, а в облике Дарьяльского отразились черты Сергея Соловьева¹⁵ и отчасти самого автора. Как отмечает А.В. Лавров, Белый использует художественный прием автобиографической контаминации:

В топографическом пространстве действия совмещаются уездный город Ефремов Тульской губернии, близ которого находилось имение Бугаевых «Серебряный Колодезь» <...>, и подмосковное село Надовражино, примыкавшее к Дедову, имению бабушки С.М. Соловьева А.Г. Коваленской <...>; к авторским признаниям можно было бы доавить, что имение Гуголево, в котором живет невеста Дарьяльского

¹² *Белый, Андрей*. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Записки мечтателей. СПб.: Алконост, 1922. № 6. С. 13.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Об архитектонике усадьбы Гуголево см.: *Коно Вакана*. Образ усадьбы в «Серебряном голубе» Андрея Белого // Acta Slavica Iaponica. Т. 20. 2003. Р. 236–250.

¹⁵ Тонкий и подробный анализ прототипов повести «Серебряный голубь» дал А.В. Лавров в статье «Дарьяльский и Сергей Соловьев. О биографическом подтексте в “Серебряном голубе” Андрея Белого» (*Лавров А.В.* Андрей Белый: разыскания и этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 105–130). Также см.: *Козьменко М.В.* Автор и герой повести «Серебряный голубь» // *Белый, Андрей*. Серебряный голубь. М.: Художественная литература, 1989. С. 11–14.

Катя, просцируется на Дедово (где Белый из года в год подолгу гостил в летнюю пору)¹⁶.

Илл. 1. Сергей Соловьев и Андрей Белый в имении Дедово

Таким образом, автобиографическое осмысление «усадебного топоса», преломление в художественном тексте реальной усадьбы в творчестве Белого появляется гораздо раньше мемуарной рефлексии.

Шахматовский дом и окружающий пейзаж занимают важное место в ранней лирике Блока, обретая черты символических универсалий, формируя особое мифологическое пространство усадебного быта. Белый отметил это во всех редакциях своих мемуаров:

Мистическое настроение окрестностей Шахматова таково, что здесь чувствуется как бы борьба, исключительность <...>, зори здесь вырисовываются иные среди зубчатых вершин лесных гор, чувствуется, что и сами

¹⁶ *Лавров А.В.* Андрей Белый: разыскания и этюды. С. 107.

леса, полные болот и болотных окон, куда можно провалиться и погибнуть безвозвратно, населены всякой нечистью («болотными попками» и бесенятами) <...>. Я описываю стиль окрестностей Шахматова, потому что они <...> отражены творчеством А.А. Пейзажи большинства его стихотворений <...> шахматовские¹⁷.

Разбирая раннюю лирику Блока, Белый в подстрочном примечании пояснил свои филологические наблюдения:

Помня хорошо пейзажи Шахматова и Дедова, я готов утверждать: аромат пейзажа в данном стихотворении («Она течет в ряду иных светил...». — *Е. Г.*) скорее дедовский, а пейзаж хронологически предыдущего стихотворения «Сегодня Ты шла одиноко...» — шахматовский: <...>. Зубчатый лес, мешающие процвести лазурью горы, — это Шахматова и его окрестности¹⁸.

Существенно, что Белый, выстраивая мифопоэтический модус усадьбы русского символизма, стоит на позиции стороннего наблюдателя-филолога, что позволяет ему прояснить контекстуально значимые мотивы и образы поэзии Блока: с одной стороны, создающие символистскую неомифологическую реальность, с другой — утверждающие Шахматова центром культуры символизма:

<...> в последующих встречах в Шахматова, в разговорах <...> мы все время нащупывали основную, так сказать, музыкальную тему новой культуры <...> то в литературных аналогиях, то в религиозно-догматических разрезах, то в терминах философии, то в смутных образах целинных, полусознательных воспоминаний <...>¹⁹.

Чрезвычайно важно отметить, что Белый определяет место Шахматова в ряду русских усадеб, оставивших свой след в истории русской культуры, путем аналогии с бакунинским Прямухиным (в Тверской губ.), в частности упоминая о личной жизни членов кружка Н.В. Станкевича:

Наши разговоры, жаргон и словечки требуют такого же комментария, как и жаргон бесконечных гегелевских разговоров кружка Станкевича. <...>

¹⁷ *Белый, Андрей*. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Записки мечтателей. СПб.: Алконост, 1922. № 6. С. 76.

¹⁸ Там же. С. 14–15.

¹⁹ Там же. С. 24.

Мишель Бакунин измерял и взвешивал сердечные отношения своих друзей с Гегелевской точки зрения и даже корректировал их гегельянски, произвольно просовывая свой нос в романы друзей²⁰.

Упоминание Бакунина и его круга не кажется произвольным. В шахматовской усадьбе формулировалась метафизика идеалистической любви в духе мистико-философского учения Вл.С. Соловьева о Софии — Премудрости Божией. Белый выстраивает типологию философско-эстетических источников символистской метафизики любви, отсылая читателя к дружескому кружку прямухинской усадьбы. Можно предположить, что его суждения опираются на статью П.Н. Милюкова «Любовь у “идеалистов тридцатых годов”»²¹, в которой на основе переписки Станкевича, В.Г. Белинского и А.И. Герцена представлена их личная жизнь, без интимных подробностей, но в философском измерении «ультраромантической теории любви»:

Любовь, по этой теории, была средством для слияния с духом, проникающим мир, — средством возвыситься до «абсолютной жизни духа»²².

Блоковская усадьба играла ключевую роль в формировании философско-эстетической модели русского символизма; с Шахматовом связаны важнейшие знаковые для нее события, центральное из которых — свадьба Блока и Л.Д. Менделеевой в августе 1903 г. Так как для символистской поэтики характерно представление о мифе как об универсальном внеисторическом ключе к постижению наследия всей мировой культуры (по Р. Барту, «мифом может быть все что угодно»²³), то эта свадьба получает онтологический статус сакрального действия, зафиксированного Белым со слов С.М. Соловьева:

<...> природа Шахматова и Боблова (имения Менделеева), и погода, и свадебный обряд, — все было пронизано какою-то необычайною, непередаваемой атмосферой, — и прозвучал звук эпохи, над которым мы медитировали²⁴.

²⁰ Там же.

²¹ Милюков П.Н. Из истории русской интеллигенции. СПб.: Тип. А.Е. Колпинского, 1902. С. 73–168.

²² Там же. С. 82–83.

²³ Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 72—130.

²⁴ Андрей Белый. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Записки мечтателей. СПб., 1922. № 6. С. 33.

Сравним с берлинской редакцией:

Потрясение Сережи во время венчания Блоков — в том, что он увидел сознание Блоками единственности их задания; эта свадьба есть шаг дерзновенный к созданию мистерии (превращенье виденья Премудрости в пафос Любви)²⁵.

Далее следует рассказ о другом шафере на свадьбе Блока — графе Развадовском:

<...> Он был «наш», т. е., по тогдашнему жаргону, посвящен в эзотеризм наших восприятий действительности, человеком Третьего Завета²⁶.

Белый вспоминал, что и Соловьев, и Развадовский были исполнены апокалиптических настроений:

<...> один — ждал наступления нового теократического периода, мирового переворота чуть ли не на свадьбе <...>, другой — прямо со свадьбы отправился за поисками «звезды»²⁷.

Одно из наиболее ярких воспоминаний сохранилось у Белого от посещения Шахматова в 1904 г., этот сюжет повторен во всех трех вариантах мемуаров. Образ поэта как духовно-символического центра усадьбы, дружеские беседы, молчание о «главном»²⁸, прогулки с Блоком — все это в изложении Белого носит отпечаток глубоко символического ритуала. Речи Блока возвышаются до высокого смысла средневековой мистики:

Как же мне писать о тексте им произносимых речей того времени, когда одно «ну, довольно» открывает двери для целого размышления в духе Рэйсбрука и Эккарта²⁹.

Ностальгически-возвышенная тональность пространства блоковского имени сквозит и в повседневных реалиях традиционного усадебного быта:

²⁵ *Белый, Андрей*. Начало века. Берлинская редакция. С. 16.

²⁶ *Белый Андрей*. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. С. 33–34.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 81.

²⁹ Там же. С. 85.

Илл. 2. Имение Бекетовых Шахматово

<...> все веяло и скромностью старой дворянской культуры и быта, и вместе с тем безбытностью <...>, не было ничего специфически старого, портретов предков, мебели и т. д., создающих душность и унылость многих помещичьих усадеб, но не было ничего и от «разночинца», — интеллектуальность во всем и блестящая чистота³⁰.

Привычный утренний ритуал помещичьего быта вызывает у автора воспоминаний поток мифопоэтической образности:

Наши сидения по утрам во-истину переходили в золотое бездорожье у берега какого-то моря, через которое вот-вот придет корабль...³¹.

Розово-золотые шахматовские пейзажи становятся частью мистериальной декорации, наблюдающие их ощущают себя мистами Элевсинских мистерий:

³⁰ Там же. С.77–78.

³¹ Там же.

Илл. 3. Чаепитие в усадьбе Шахматово

Я смотрел за окно над деревьями скатывающегося вниз под угол сада, на горизонт уже нежно-голубого неба с чуть золотистыми пепельными облаками, — там вспыхивали зарницы в «золотистых перьях тучек танец нежных вечерниц»³².

Описание внешности Блока, его жены (в «розовом платье цвета зари выделялась таким светлым пятном перед нами»³³), окрестностей («открывалась равнина, за нею возвышенность и над нею розовый, нежно-розовый закат»³⁴) и даже дружеских бесед — дано в мистико-символической цветовой гамме. Феноменология цвета лежит в основе теории символизма Белого: Любви Дмитриевне неизменно соответствуют золотой / золотистый и розовый цвета (которые за ней неизменно сохранены во всех редакциях мемуаров), Блоку — белый и золотой (в позднем варианте вместо золотого — рыжий). Не только тональность воспоминаний, но и их семантика изменяются от первой редакции — к последней: объем

³² Там же. С. 85.

³³ Там же. С. 84.

³⁴ Там же.

текста, содержание сцен, символические реалии. Сравним, например, как подана одна и та же сцена первой встречи Белого с Блоками в Шахматове в 1904 г.:

Записки мечтателей»:	«Воспоминания о Блоке»:	«Начало века»:
<p><...> в солнечном дне, среди цветов, Л.Д. в широким, стройном розовом платье-капоте, особенно ей шедшем, и с большим зонтиком в руках, молодая, розовая, сильная, с волосами, отливающими в золото <...>, напомнила мне Флору, или Розовую Атмосферу <...>. А.А., шедший рядом с ней, высокий, статный, широкоплечий, загорелый <...>, поздоровевший в деревне, в сапогах, в хорошо сшитой белой русской рубашке <...> (узор, кажется, белые лебеди по красной кайме), напоминал того сказочного царевича, о котором вешали сказки. «Царевич с Царевной» — вот что срывалось невольное в душе...</p> <p>И, помнится, А.А., увидев нас, сразу узнал и прибавил шагу, чуть ли не побежал к нам и с обычной, спокойной, неторопливой, важной и вместе милой лаской остановился, не удивившись...³⁵</p>	<p>издали тотчас же увидели А.А. и Л.Д., вращающихся с прогулки; их образ запечатлелся: на цветородном лугу, в ярком солнышке Любовь Дмитриевна, облеченная в струйно-розовый, раздуваемый ветерками капот, шедший ей, с белым зонтиком на плечах, молодая, розовощекая, сильная, с гладкой головкою, цвета колосьев, — напоминала мне Флору, кусочек зари, или — розовую атмосферу... Александр Александрович, шедший с ней рядом — казался высоким, широкоплечим, покрытым коричневым загаром! Без шапки, рыжеющий волосами на солнце, был в своих длинных, рыжеющих голенищами сапогах, в очень белой просторной рубашке, расшитой Л.Д. темно-красными лебедями и подпоясанный поясом с пестрыми и густыми кистями, напоминал</p>	<p><...> увидели тотчас идущих с прогулки супругов; вон там — Любовь Дмитриевна, молодая и розовощекая, в розовом, легком капотике, плещущем в ветре, с распушенным белым зонтом над казавшимися просто солнечными, тихо шла из цветов и высоких качающихся злаков, слегка переливаясь; Александр Александрович, статный, высокий и широкогрудый, покрытый загаром, в бежевой рубашке, прошитой пурпуровыми лебедями, с кудрями, рыжевшими в солнце (без шапки), в больших сапогах, колыхаясь кистями расшитого пояса, — «молодец добрый» из сказок: не Блок!</p> <p>Средь цветов, в визгах ласточек, остановясь, приложив к глазам руку, разглядывал; и <...> крупным бегом, с запыхом; он без удивления, став перед нами, с улыбкою руки жал.</p>

³⁵ Там же. С. 78.

мне Ивана Царевича. Со- <...> Вернулись к
зерца прекрасную, розо- террасе; он сильным и
во-белую пару в цветах легким вспрыжком одо-
полевых <...> — Как под- дел три ступени; Л.Д.,
ходят друг к другу они. нагибаясь, покачиваясь,
А.А. издали нас увидал, с перевальцем, всходила,
остановился и, приложив к округло сутулясь боль-
глазам руку, разглядывал; шими плечами, рукой у
нас узнавши, оставив Л.Д., колена капот подобравши
побежал крупным бегом и щуря глаза на нос, — си-
по полю; остановился он, ние, продолговатые, кир-
запахавшись пред нами; гиз-кайсацкие, как под-
и со спокойною, важной веденные черной каймою
какой-то улыбкой без удив- ресниц, составляющих
ления подал нам руку <...> яркий контраст с бело-ро-
а на цветущем, колеблемом зовым, круглым лицом и
ветерочками фоне запо- большими, растянутыми,
нилась яркая летняя пара: некрасивыми вовсе губа-
«царевич» с «царевной»; ми; сказала грудным, глу-
кудрявый «царевич», в бе- хо-мощным контральто,
леющей русской рубахе, прицеливаясь на меня, —
расшитой пурпурными ле- с напряжением, став не-
бедами; «царевна», золото- красивой от этого <...>.
кудряя в розово-стройном Не казалась дамой в
хитоне — кусочек зари; деревне, — ядреною ба-
иль кусочек самой атмос- бою: кровь с молоком! Я
феры: поэзия Блока... Мы подметил в медлительной
уже поднялись к террасе; лени движений таимый
А.А., подняв голову, лег- какой-то разбойный раз-
ким и сильным прыжком мах³⁷.
ододел три ступени терра-
сы; Л.Д., чуть нагнувшись,
задыхаясь, сторая, взош-
ла на крыльцо — не на
крыльцо, на террасу: сей-
час, всегда, вечно...³⁶

³⁶ *Белый, Андрей.* О Блоке. С. 86, 87.

³⁷ *Белый, Андрей.* Начало века / Подгот. текста, примеч. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. С. 365, 366.

Совершенно очевидно, что «переписывание» мемуаров влекло за собой не только умаление образа Блока-поэта, но и разрушение неомифологического модуса «усадебного текста». Если в первоначальном варианте Белый наделяет Блока фольклорными чертами Ивана Царевича, идеального поэта-символиста на лоне природы, а его жену — метафорической образностью, берущей начало в блоковской лирике, — она Царевна, одно из воплощений Софии — Премудрости Божией, то в версии начала 1930-х гг. Любовь Дмитриевна предстает в облике дебелой бабы. Образ Блока-поэта обрастает негативными коннотациями: к тому времени Белый прочел его опубликованные письма к матери, в которых тот предстает помещиком, увлеченным усадебным хозяйством. И если в ранней редакции Блока-хозяина отличает радушие³⁸, то в поздних записях очевиден контраст Блока-барина и Блока-поэта (в сопоставлении с помещиком-поэтом Фетом). Белый с раздражением выписывает цитаты из блоковских писем, свидетельствующих, по его мнению, о прагматической приземленности их автора, вступившего в единоличное владение Шахматовом после получения отцовского наследства в 1910 г. и какое-то время заботившегося об усадебном хозяйстве и переустройстве дома.

Не менее значим для творческого наследия Белого другой «усадебный локус» — Серебряный Колодезь, воспоминания о котором сквозят в главке «Памир — крыша света» автобиографического романа «Записки чудака» (в первой редакции «Записки странного человека»). Здесь представлен важный для автора тип эго-документального повествования — «духовная» автобиография — и впервые последовательно проводится принцип «дуальности» эго-нарратива: биография — это не только повседневная жизнь, но прежде всего — события внутренней жизни, сложные процессы самопознания. Каждое лето с 1898 по 1906 г. Белый проводил в Серебряном Колодезе, там он написал большую часть сборника «Золото в лазури», а также «Четвертой Симфонии» — и это немаловажный факт для понимания поэтики писателя, который ставил свое творчество в прямую зависимость от места, где были написаны его произведения:

«Серебряный Колодезь» был продан: но изменился от этого стиль моих книг; архитектоника, фразы тяжелого «Голубя» заменили летучие арабески «С и м ф о н и й» (разрядка А. Белого. — *Е. Г.*)³⁹.

³⁸ См.: *Белый, Андрей*. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. С. 81.

³⁹ *Белый Андрей*. Собр. соч. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Предисл., коммент. В.М. Пискунова; коммент. Н.Д. Александрова, Г.Ф. Пархоменко. М.: Республика, 1997. С. 299.

Илл. 4. Ландшафт усадьбы Бугаевых Серебряный Колодезь

Итак, в упомянутой главке «Памир — крыша света» мы видим едва ли не единственное у Белого подробное воспоминание о юношеском летнем пребывании в Серебряном Колодезе. Детальная топонимика усадьбы служит средством вхождения в другое, второе пространство — чистую философскую фантазию:

<...> девятью стеклоглазыми окнами старый, коричневый дом из-под крон тополей глядел в дали пространства, с бугра; а бугор обрывался к серебряной, чистой речонке, полузакрытой ольховыми купами; мне казалась терраса старинного дома высоко-высоко-высоко приподнятой; а аллея шла вбок от нее; высоковерхие липы шумели <...>, перпендикулярно к аллее горбатая бежала дорожка на холм <...> обрывался наш сад узкой, вырытой, дождевою канавою; за ней, непосредственно сверху, где горбился склон, приближая всю линию горизонта <...>, а над пространствами ржи <...> глядели закаты <...>, за канавой глядела на нас необъятность⁴⁰.

Белый подробно описывает свои ницшеанские видения в усадьбе; они во многом отразились в импрессионистической эстетике его ранних символистских статей. Освоение усадебного пространства Серебряного Колодезя открыло в поэте-мыслителе уникальную способность к слиянию с мировой философией. Белый рассказывает, как выбегал через усадебный

⁴⁰ Там же. С. 298.

ров к холму, возвышавшемуся над домом, и там ему открывались буддийские видения «Памира — крыши света». Очевидно, что это не конкретный усадебный пейзаж, но ландшафт внутреннего видения:

<...> я думал, что там, за канавой, кончалась история; стоило перепрыгнуть через крутую канаву и кануть во ржи, пробираясь по ней еле видную тропкою, — все затеряется — в золоте, в блеске и в хаосе этих бушующих волн; буду я — вне истории; буду я — вне пристанища, вне ежедневных занятий, без тела, охваченный шумами Вечности и — вознесенный в невероятность безумно открытых сознаний, не знаемых ближними. Знал я: поднимаясь вверх, попаду я на высшую точку пологого склона, где отовсюду откроются шири, просторы, пространства, воздушности, облаки; под ноги тут опускаются земли; и — небо здесь падает; буду я, небом охваченный, вечный и вольный, — стоять; разыграется жизнь облаковых громад вокруг меня; если мне обернуться назад, то увижу и место, откуда я вышел (усадьбу); оно — под ногами; и от нее мне видны: только кончики лип (а усадьба стояла высоко-высоко над речкой)⁴¹.

Время в фантастическом философском пространстве усадьбы и сжато в одну точку, и устремлено в линии мировой истории, превращая литературный образ Серебряного Колодезя в гетеротопию.

Итак, текст Белого об отцовской усадьбе становится особым пространством мифопоэтической наррации, в котором сосуществуют типы линейно-исторического (последовательности событий в их привязанности к географическому месту) и мифологического (циклического) времени. Напротив, в беловской характеристике усадьбы Шахматово реализуется семиотика нарратива символистского «двоемирия», прозревающая в обыденной действительности высокий план инобытия, а в изображении жены поэта — мифологему Вечной Женственности.

Список литературы

1. *Барт Р.* Миф сегодня // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 72–130.
2. *Белый Андрей.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // *Записки мечтателей.* СПб.: Алконост, 1922. № 6. С. 7–122.

⁴¹ Там же. С. 298–299.

3. *Белый, Андрей*. Воспоминания о Блоке // Эпопея. М.: Геликон, 1922. № 1. С. 123–173. № 2. С. 105–299. № 3. С. 125–210; Берлин: Геликон, 1923. № 4. С. 61–305.
4. *Белый Андрей*. Начало века / Подгот. текста, примеч. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. 687 с.
5. *Белый Андрей*. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А.В. Лавров. СПб.: Наука, 2014. 1064 с.
6. *Белый Андрей*. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники / Вступит. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Автограф, 1997. 608 с.
7. *Белый Андрей*. Собр. соч. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Общ. ред. и предисл. В.М. Пискунова. М.: Республика, 1997. 541 с.
8. *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI в.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
9. *Дмитриева Е.Е.* Русская усадьба: семантика, топос и хронос // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 140–173.
10. *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 528 с.
11. *Енишерлов В.П.* Как в годы золотые // Наше наследие. 2010. № 96. С. 48–59.
12. *Козьменко М.В.* Автор и герой повести «Серебряный голубь» // *Белый Андрей*. Серебряный голубь. М.: Художественная литература, 1989. С. 5–28.
13. *Коно Вакана*. Образ усадьбы в «Серебряном голубе» Андрея Белого // Acta Slavica Iaponica. Т. 20. 2003. Р. 236–250.
14. *Лавров А.В.* Дарьяльский и Сергей Соловьев. О биографическом подтексте в «Серебряном голубе» Андрея Белого // *Лавров А.В.* Андрей Белый: разыскания и этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 105–130.
15. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб.: Искусство–СПБ, 1998. 704 с.
16. *Мелетинский Е.М.* От мифа к литературе: Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика». М.: РГГУ, 2001. 169 с.
17. *Милюков П.Н.* Из истории русской интеллигенции: Сб. статей и этюдов. СПб.: Тип. А.Е. Колпинского, 1902. 331 с.
18. *Миц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Блок и русский символизм. Избранные труды: В 3 кн. Кн. 3: Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство–СПБ, 2004. С. 59–96.

19. *Подорога В.* Событие: Бог мертв. Фуко и Ницше. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/ontologie/vpodoroga/> (Последнее обращение 15.09 2019).
20. *Руднев В.П.* Неомифологическое сознание // *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М.: РГГУ, 1997. С. 184–185.
21. *Фуко М.* Слова и вещи / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977. 405 с.
22. *Шестакова Э.Г.* Гетеротопия — рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // *Критика и семиотика*. 2015. № 1. С. 58–72.
23. *Щукин В.Г.* Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // *Щукин В.Г.* Российский гений Просвещения. *Исследования в области мифопоэтики и истории идей*. М.: РОССПЭН, 2007. С. 157–460.